

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)



Адрес учредителя: 191181,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.

Адрес редакции: 191181,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.

Адрес издателя: 191181,
Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.

Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Регистрационный номер
свидетельства о регистрации
средства массовой информации
ПИ No ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

ISSN 2311-5939

DOI 10.48612/IVRRAN/rd5n-gg2k-hduk

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXIX • 2026 • № 1

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

Редакционная коллегия:

И. В. Кульганек, *главный редактор,*
доктор филологических наук (Россия)

Д. А. Носов, *секретарь редколлегии, кандидат*
филологических наук (Россия)

М. А. Козинцев, *помощник секретаря,*
кандидат исторических наук (Россия)

Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*

А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*

Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*

Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*

И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор РАН*
(Россия)

Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*

В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*

Э. Мунхцэцэг, *кандидат филологических наук*
(Монголия)

С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*

К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*

М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Р. Поп, *доктор наук (Румыния)*

Ц. Саранцацрал, *доктор филологических наук*
(Монголия)

Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, профессор*
(Россия)

С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*

Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*

Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*

Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет – М. В. Алексеева

Литературные редакторы и корректоры – И. В. Кульганек, Д. А. Носов

Технический редактор – М. А. Козинцев

Подписано в печать 15.03.2026

Формат 60×90 1/8. Объем 10 печ. л. Заказ №

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Литография Принт».

Адрес типографии: 191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8,
лит. А, офис 14.

e-mail: info@litobook.ru

12+

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2026

© Коллектив авторов, 2026

В НОМЕРЕ:

ФИЛОЛОГИЯ

- И. В. Кульганек.** Монгольские песни из дневника Н. Н. Шнитникова 1895 года
(по материалам архива востоковедов ИВР РАН)..... 5

ИСТОРИЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ

- Оюундалай.** «Новая политика» Цинской империи и Монголия:
кризис управления пограничными территориями на рубеже XIX–XX вв. 18
- А. С. Сараев.** Происхождение тюркоязычия в представлении
советских историков-кочевниковедов..... 28

СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

- И. А. Алимов.** «Дун Цзин Мэн Хуа Лу»: все внутренние и внешние приказы..... 56
- Ю. А. Иоаннесян.** Концепция вечно пребывающего в мире
«Доказательства Божьего» в исламе 64

ПЕРЕВОДЫ

- Р. В. Ивлева.** Сэнгийн Эрдэнэ. Дзанабадзар 73

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- М. В. Федорова.** Выставка «Источник Святого Учения»
в Российском этнографическом музее..... 93

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts
(Asiatic Museum)



191181, Russian Federation
Saint Petersburg,
Dvortsovaya Emb., 18
Phone: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

MONGOLICA

Saint Petersburg journal for Mongolian studies

Vol. XXIX • 2026 • No. 1

The journal is published four times a year.

Published since 1986

Founder: Federal State Institution of Science
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy
of Sciences

Editorial board:

- I. V. Kulganek — *editor-in-chief, Dr. Sci. (Philology), Russian Federation*
D. A. Nosov — *secretary, Cand. Sci. (Philology), Russian Federation*
M. A. Kozintcev — *assistant secretary, Cand. Sci. (History), Russian Federation*
G. Bilguudei. *Dr. Sci. (Philology), Mongolia*
A. Birtalan. *Ph. D., Hungary*
S. Chuluun. *Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Mongolia*
L. S. Dampilova. *Dr. Sci. (Philology), Russian Federation*
J. Legrand. *Dr. Sci., Professor, France*
V. Kapishovska. *Ph. D., Czech Republic*
E. E. Khabunova, *Dr. Sci. (Philology), Russian Federation*
N. Khishigt. *Ph. D. (History), Mongolia*
E. Munkhtsetseg. *Cand. Sci. (Philology), Mongolia*
S. L. Neveleva. *Dr. Sci. (Philology), Russian Federation*
K. V. Orlova. *Dr. Sci. (History), Russian Federation*
M. P. Petrova. *Ph. D. (Philology), Russian Federation*
R. Pop. *Ph. D., Romania*
Ts. Sarantsatsral. *Dr. Sci. (Philology) Mongolia*
T. D. Skrynnikova. *Dr. Sci. (History), Russian Federation*
R. M. Valeev. *Dr. Sci. (History), Russian Federation*
N. S. Yakhontova. *Cand. Sci. (Philology), Russian Federation*
I. V. Zaytsev. *Dr. Sci. (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

ISSN 2311-5939

DOI

© Institute of Oriental Manuscripts RAS
(Asiatic Museum), 2026
© Group of authors, 2026

IN THIS ISSUE:

PHILOLOGY

- Irina V. Kulganek.** Mongolian Songs from Nikolai N. Shnitnikov's Diary (1895)
Kept at the Archives of Orientalists of the IOM RAS..... 5

HISTORY. HISTORIOGRAPHY

- Wuyundalai.** “New Policy” Of The Qing Empire and Mongolia: the Crisis of Border
Territory Governance at the Turn of the 19th–20th Centuries..... 18
- Andrey S. Saraev.** The Origin of the Turkic Languages According
to the Soviet Historians of the Nomadism..... 28

RELATED DISCIPLINES

- Igor A. Alimov.** «Dong Jing Meng Hua Lu»: All Internal and External Departments..... 56
- Youli A. Ioannesyan.** The Islamic Concept of the Ever-Present
“Proof of God” in the World..... 64

TRANSLATIONS

- Regina V. Ivleva.** *Sengiin Erdene*. Dsanabadsar 73

ACADEMIC LIFE

- Marina V. Fedorova.** The Exhibition «Source of Holy Teaching»
in the Russian museum of Ethnography 93

ОюунДАЛАЙ
Высшая школа монголоведения
Университет национальностей Внутренней Монголии

«НОВАЯ ПОЛИТИКА» ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ И МОНГОЛИЯ: КРИЗИС УПРАВЛЕНИЯ ПОГРАНИЧНЫМИ ТЕРРИТОРИЯМИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Статья посвящена анализу «Новой политики» (新政), проводившейся Цинской империей в конце XIX — начале XX в., в контексте кризиса управления пограничными территориями. На материале Монголии показано, что реформы, направленные на административную унификацию и модернизацию империи, привели к демонтажу традиционных институтов, росту социального и политического сопротивления и ускорению процессов дезинтеграции позднecinского государства.

Ключевые слова: «Новая политика», Цинская империя, Монголия, пограничные территории, год железной белой свиньи (1911 г.), имперский кризис.

Сведения об авторе: ОюунДАЛАЙ (WUYUNDALAI), кандидат исторических наук (Ph.D.), Высшая школа монголоведения, Университет национальностей Внутренней Монголии (КНР, Тунляо) (wuyundalai1980@163.com).

© ОюунДАЛАЙ, 2026

Введение

Реформаторская «Новая политика» (新政 Синь чжэн), проводившаяся Цинской империей в начале XX вв., стала одной из последних попыток сохранить целостность многоэтнического государства в условиях системного кризиса. Ослабление центральной власти, поражения во внешних войнах и нарастающее давление со стороны мировых держав вынудили правящие круги Цинской империи приступить к масштабным реформам, направленным на административную, экономическую и военную трансформацию государства. Однако именно на пограничных территориях данные реформы приобрели наиболее противоречивый и деструктивный характер.

Монголия занимала в системе цинского правления особое место. На протяжении более двух столетий отношения между династией Цин и Монгольской знатью основывались на специфических договорных и статусных основаниях, отличных от управления внутренними провинциями. Эта модель обеспечивала относительную стабильность имперского контроля

над степными территориями, сохраняя при этом автономные элементы традиционного управления. Введение политики «Новая политика» означало радикальный пересмотр данной системы и попытку интеграции Монголии в общеимперское административно-правовое пространство.

В историографии реформаторская, так называемая «Новая политика» в Монголии нередко рассматривается либо в рамках национальной истории, как этап колониационного давления, либо как часть общих реформ поздней Цинской империи без учета региональной специфики. Между тем анализ архивных источников показывает, что именно монгольские земли стали одним из ключевых пространств, где противоречия между реформаторскими устремлениями центра и исторически сложившимися формами управления проявились наиболее отчетливо. Попытка административной унификации, пересмотр земельных и религиозных институтов, а также ограничение полномочий местных элит не только не укрепили позиции цинского прави-

тельства, но и ускорили процесс политической дезинтеграции империи.

Настоящая статья ставит своей целью рассмотреть «Новую политику» маньчжурской династии в Монголии не как эпизод национальной истории, а как элемент кризиса управления пограничными территориями поздней Цинской империи. На основе анализа монгольских, китайских и российских архивных материалов автор стремится показать, каким образом реформы, направленные на модернизацию и укрепление государства, фактически подорвали прежние механизмы имперского контроля и способствовали формированию условий для событий 1911 г. Такой подход позволяет по-новому осмыслить роль Монголии в процессе распада Цинской империи и расширить теоретическое понимание проблем управления многоэтничными империями в эпоху модернизации.

Историография и методология

В историографии проблемы «Новой политики» Цинского двора в Монголии прослеживается устойчивая фрагментация, обусловленная национальными и методологическими рамками исследований. Монгольская историография традиционно рассматривает реформы поздней Цинской империи преимущественно в контексте национальной истории, акцентируя внимание на их колониационном характере и роли в формировании движения за независимость начала XX в. В этих работах «Новая политика» интерпретируется как завершающий этап маньчжурского господства и как прямой фактор политического кризиса, приведшего к событиям года Белой железной свиньи, т. е. 1911 г.

Китайская историография, напротив, долгое время рассматривала «Новую политику» как внутренний процесс модернизации государства, направленный на укрепление централизованного управления и сохранение территориальной целостности империи. В рамках данного подхода монгольские территории чаще всего включаются в общую схему административных реформ без учета их особого правового и политического статуса. Лишь в

более поздних исследованиях, особенно после 1990-х годов, стали появляться работы, затрагивающие специфику реформ на пограничных территориях, однако и они, как правило, ограничиваются анализом отдельных аспектов, таких как земельная политика, переселенческое движение или административные преобразования.

Российская историография обращалась к проблеме Монголии в конце XIX — начале XX вв. преимущественно в контексте международных отношений и геополитического соперничества в Восточной Азии. Для российских исследователей и военных наблюдателей Монголия представляла собой стратегически важную пограничную зону, где реформы поздней Цинской империи рассматривались как потенциальный источник нестабильности. Материалы российских архивов: дипломатические донесения, отчеты военных и разведывательных структур позволяют зафиксировать восприятие «Новой политики» как симптома ослабления имперского контроля над окраинами.

Современные подходы, в том числе в рамках так называемой *New Qing History*, предлагают рассматривать позднецинские реформы в более широком имперском контексте, анализируя их как попытку трансформации многоэтничного государства в условиях внешнего давления и внутреннего кризиса. В данной статье этот подход дополняется концепцией управления пограничными территориями (*borderland governance*), что позволяет выйти за рамки национальных нарративов и рассмотреть Монголию как пространство столкновения имперских стратегий и локальных социальных структур.

Методологической основой исследования является сочетание историко-сравнительного анализа и институционального подхода. Использование архивных материалов на монгольском, китайском и русском языках позволяет выявить расхождения между замыслами центральной власти и практикой реализации реформ на местах. Такой межархивный и трансрегиональный подход дает возможность рассматривать «Новую политику» цинов в Монголии не как изолированный эпизод, а как часть

общего кризиса управления поздней Цинской империи.

Концепция политики «Нового управления» в поздней Цинской империи

Так называемая «Новая политика» (新政), реализуемая Цинской империей в начале XX вв., стала ответом центральной власти на системный кризис имперского управления. После поражений в Опиумных войнах и Японо-китайской войне (1894–1895 гг.) в правящих кругах сформировалось представление о необходимости коренного пересмотра прежних механизмов управления, прежде всего на пограничных территориях [ПИАК, ф. 03, оп. 1, д. 421, л. 17 об].

Архивные документы свидетельствуют, что в концептуальных установках позднецинского правительства Монголия рассматривалась как пространство, требующее «приведения в соответствие» с внутренними провинциями [ПИАК, ф. 03, оп. 1, д. 447, л. 3]. Монголия рассматривалась как пространство, где сохранение прежних форм косвенного управления признавалось устаревшим [НЦАМ, ф. М-1, оп. 1, д. 63, л. 9].

В одном из докладов, представленных в центральные ведомства, прямо указывалось на необходимость пересмотра прежних форм управления монгольскими землями:

«Поскольку управление внешними областями отличается от управления внутренними провинциями, требуется постепенное сближение установлений с целью укрепления государственной целостности» [ПИАК, ф. 03, оп. 1, д. 421, л. 17 об].

В этих документах прослеживается отход от традиционной модели косвенного управления, основанной на признании особого статуса монгольской знати и автономных институтов. Напротив, реформы позднего периода предполагали административную унификацию, усиление фискального контроля и пересмотр правовых оснований власти местных элит.

Особо показателен комплекс материалов, связанных с подготовкой так называемой «проверки по четырнадцати пунктам», направ-

ленной в монгольские земли в рамках «Новой политики». Согласно докладу маньчжурского чиновника, курировавшего данный вопрос, указывалось:

«Следует выяснить, в какой мере возможно применение новых установлений в Монголии без ущерба для порядка, но с пользой для управления» [ПИАК, ф. 03, оп. 1, д. 447, л. 3].

Материалы Национального центрального архива Монголии позволяют проследить, каким образом данные концептуальные установки были восприняты на местах. В донесениях амбаней, направляемых в Урге, отмечалось, что новые требования вызывают «затруднения» и «недоумение» среди монгольских князей и духовенства:

«Предлагаемые меры не согласуются с прежними законами и установлениями, по которым издавна управлялась Монголия» [НЦАМ, ф. М-1, оп. 1, д. 63, л. 9].

В ходе реализации «Новой политики» цинская администрация направила в монгольские земли специальный перечень требований, известный в источниках как «четырнадцать пунктов опроса». Весной 1907 г. два центральных ведомства Цинской империи поручили председателям съездов ряда монгольских аймаков, а также хотонских аймаков провести детальное обследование социально-экономического и административного положения по четырнадцати пунктам.

1. Определить размеры пахотных земель, используемых китайскими подданными и монголами, виды возделываемых культур, возможность восстановления залежных земель и передачи их в обработку китайским земледельцам, а также выявить наличие свободных земель.

2. Установить численность четырех видов скота, принадлежащего тайджам и простому населению, способы кочевков в зависимости от пастбищ и водных источников, методы выпаса, откорма и содержания скота.

3. Выяснить, какие виды древесных пород произрастают в горных районах, степень их распространения, способы искусственного разведения и посадки, возможные направления хозяйственного использования древесины, а также формы официальной торговли ею.

4. Определить наличие в лесных и горных районах различных видов диких животных, круг лиц, занимающихся охотой, существование руководства охотничьей деятельностью, уровень доходов от промысла и применяемые способы охоты.

5. Установить целесообразность открытия предприятий по переработке шкур, кож, шерсти, волоса, костей и рогов скота.

6. Выяснить, какие виды полезных ископаемых имеются на территории аймаков и хошунов, используются ли они и каким образом возможно их дальнейшее освоение.

7. Определить, в каких озёрах обитают те или иные виды рыбы, ведётся ли промысел и какими способами возможно его расширение.

8. Установить наличие солёных озёр, виды добываемой соли, направления её транспортировки и торговли, размеры соляных участков, а также условия пользования ими китайскими и монгольскими подданными, включая размеры сборов и пошлин.

9. Выяснить установленную численность войск различных хошунов, наличие вооружения, систему военной подготовки, порядок выплаты жалованья и меры по дальнейшему упорядочению военной службы.

10. Определить наличие учебных заведений, число вновь открытых школ, принципы их организации, численность преподавателей и учащихся, а также планы развития школьного образования.

11. Установить количество почтовых станций в аймаках и хошунах, численность служащих и объём расходов на их содержание.

12. Определить границы аймаков и хошунов, сопредельные территории и наличие государственных границ с иностранными государствами.

13. Установить численность торгового населения, наличие торговых дворов и поселений, районы, наиболее выгодные для торговли, а также меры по привлечению торговцев.

14. Выяснить, из каких китайских провинций наиболее целесообразно прибытие торговцев, военных и гражданских лиц, наличие удобных магистральных путей сообщения и возможные направления прокладки железной дороги [НЦАМ, ф. М-9, оп. 4, д. 987, л. 431–466].

Целью данного документа было выявление позиции местной знати [Жамсран, 1992. X. 23], а также подготовка условий для дальнейшей административной унификации Монголии с внутренними провинциями империи. Упомянутые выше статистические исследования были нацелены на принятие следующих мер:

1. О пересмотре земельных отношений

Требование предусматривало уточнение прав собственности на земли, возможность передачи части пастбищ под сельскохозяйственное использование и пересмотр традиционных форм кочевого землепользования. В Монголии не существовала частная собственность на землю.

2. О разрешении распашки пастбищных угодий

Предлагалось допустить распашку земель, ранее использовавшихся для кочевого скотоводства, с целью расширения сельскохозяйственного производства. Особенно сильный протест эта мера вызвала у внутренних монголов.

3. О переселении китайского населения

Пункт предусматривал поощрение переселения сельскохозяйственного населения из внутренних провинций на территорию Монголии. В материалах российских Архивов указано, что это «скрытая колонизация».

4. О реорганизации хошунного управления

Традиционные органы управления хошунами подлежали реорганизации в соответствии с общеимперскими административными нормами.

5. Об ограничении полномочий монгольской знати

Предусматривалось сокращение самостоятельных функций князей и нойонов, их подчинение новым административным инстанциям.

6. О введении единой налоговой системы

Пункт требовал пересмотра налоговых обязательств и их приведения в соответствие с налоговой практикой внутренних провинций. Это касалось Внутренней Монголии.

7. О проведении переписи населения и хозяйства

Требование предусматривало учет населения, скота и имущества с целью усиления фискального контроля. Во Внешней Монголии это было расценено как «нарушение статуса».

8. О контроле над монастырским имуществом

Предусматривался учет и частичное изъятие экономических ресурсов буддийских монастырей. Главная причина сопротивления духовенства.

9. Об ограничении численности духовенства

Требование касалось сокращения числа лам и пересмотра их социально-экономического статуса.

10. О подчинении религиозных институтов светской администрации

Монастыри и духовенство должны были перейти под контроль светских властей. Это положение обострило конфликт между церковью и государством.

11. О реформе судебной системы

Предусматривалось внедрение общеперских судебных норм вместо традиционных правовых практик.

12. О военных повинностях и охране порядка

Пункт затрагивал вопросы воинских обязанностей и участия местного населения в обеспечении безопасности.

13. О расширении транспортной и административной инфраструктуры

Требование предусматривало строительство дорог, административных центров и опорных пунктов.

14. О постепенном сближении управления Монголией с внутренними провинциями

Заключительный пункт прямо фиксировал стратегическую цель реформ, интеграцию Монголии в общеимперскую систему управления. Это положение стало сигналом к «отмене особого статуса» во Внешней Монголии.

В коллективных ответах князей Внешней Монголии подчеркивалось, что данные пункты нарушают исторически сложившийся статус региона:

«Монголия издавна управлялась на особых основаниях. Применение к ней правил внутренних провинций противоречит прежним установлениям и может привести к утрате порядка и спокойствия» [НЦАМ, ф. М-9, оп. 3, д. 8369, л. 167].

Таким образом, князья Внешней Монголии различными способами выражали своё нежелание принимать «Новую политику» цинского правительства, в то время как князья Внутренней Монголии занимали несколько иную позицию. Там они в основном использовали политику и условия, с которыми столкнулись, для развития своих регионов. Например, князь губернатор лево-северного района Хорчинского собрания Жирима, цзюнь ван Амирлангуй изучил возможности развития торговли и промышленности в своих регионах на основе полученного от Внутренней Монголии запроса по 14 пунктам в рамках «Новой политики» правительства, а затем представили императору Цин петицию с конкретными предложениями [НЦАМ, ф. М-183, оп. 2, д. 651].

Российские архивные источники дополняют эту картину внешним наблюдением. В донесении российского консула в Урге подчеркивалось, что реформы поздней Цинской империи «подрывают прежний баланс власти» и усиливают напряженность в регионе:

«Попытки уравнять управление Монголией с китайскими провинциями вызывают недовольство не только знати, но и духовенства, что может иметь серьезные политические последствия» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 761, д. 52, л. 14].

Таким образом, уже на концептуальном уровне «Новая политика» в Монголии вступала в противоречие с исторически сложившейся системой имперского правления. Архивные материалы ясно показывают, что реформы, задуманные как средство укрепления государства, фактически закладывали основы кризиса управления пограничными территориями.

Внутренняя Монголия: «Новое управление» как практика ускоренной административной и аграрной интеграции

Внутренняя Монголия стала главным полигоном реализации «Новой политики», поскольку именно здесь цинская администрация считала возможным наиболее быстрый и наименее конфликтный переход от косвенного управления к прямой административной инте-

грации [ПИАК, ф. 03, оп. 1, д. 468, л. 22]. Архивные материалы ясно свидетельствуют, что в отношении Внутренней Монголии реформы носили характер целенаправленного демонтажа традиционной системы кочевого хозяйства и хошунного управления [ПИАК, ф. 03, оп. 1, д. 512, л. 7 об].

Ключевое место в этом процессе занимали пункты «четырнадцать пунктов опроса», касающиеся земельных отношений, распашки пастбищ и переселения земледельческого населения-китайцев. В одном из докладов, направленных в центральные ведомства, указывалось:

«Земли, используемые кочевниками, остаются не полностью освоенными; их распашка и заселение земледельцами позволит укрепить хозяйственную основу управления» [ПИАК, ф. 03, оп. 1, д. 468, л. 22].

Данный подход получил практическое выражение в разрешении распашки пастбищных угодий и поощрении переселения китайского населения, что напрямую соответствовало пунктам 1–3 «опроса». Однако региональные архивные материалы фиксируют, что эти меры сопровождались ростом социального напряжения. В донесениях хошунных управлений отмечалось:

«Расширение земледелия приводит к сокращению пастбищ, вследствие чего скотоводство приходит в упадок, а население беднеет» [ПИАК, ф. 03, оп. 1, д. 512, л. 7 об].

Административная унификация, закреплённая в пунктах 4–6, предусматривала реорганизацию хошунного управления и ограничение полномочий монгольской знати. Согласно архивным данным, князья и нойоны постепенно утрачивают реальное влияние, превращаясь во вспомогательное звено бюрократического аппарата:

«Князья должны подчиняться новым административным правилам и исполнять распоряжения назначенных чиновников» [ПИАК, ф. 03, оп. 1, д. 489, л. 15].

Российские дипломатические источники рассматривали данные меры как форму скрытой колонизации. В одном из донесений российского консульства подчёркивалось:

«Под видом реформ цинское правительство фактически проводит колонизацию Внутрен-

ней Монголии, вытесняя коренное население с его традиционных земель» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 761, д. 68, л. 19].

Таким образом, во Внутренней Монголии «Новая политика» трансформировалась в практику ускоренной административной и аграрной интеграции, что привело к разрушению традиционных экономических основ и усилению социального недовольства. Однако сопротивление здесь носило преимущественно локальный и социально-экономический характер, не перерастая на данном этапе в открытую политическую мобилизацию.

Внешняя Монголия: подрыв особого статуса, и политизация сопротивления

В отличие от Внутренней Монголии, Внешняя Монголия занимала в системе цинского управления особое положение, основанное на признании ее специфического правового и политического статуса [НЦАМ, ф. М-1, оп. 1, д. 74, л. 3–4]. Однако в рамках политики «Нового управления» именно этот статус оказался под угрозой пересмотра, что вызвало наиболее острые формы сопротивления со стороны местного общества.

Внешняя Монголия в отличии от Внутренней Монголии обладала чётко осознаваемым особым политико-правовым статусом, что определило принципиально иной характер реакции на «Новую политику». Архивные источники показывают, что именно здесь «четырнадцать пунктов опроса» были восприняты не как хозяйственные меры, а как угроза ликвидации автономных оснований управления.

Особое неприятие вызвали пункты 7, 8, 9 и 14, касавшиеся переписи населения и имущества, контроля над монастырским хозяйством и постепенного сближения управления с внутренними провинциями. В одном из коллективных обращений монгольских князей подчёркивалось:

«Перепись людей и скота, а также вмешательство в дела монастырей противоречат прежним установлениям, по которым Монголия управлялась отдельно от внутренних земель» [НЦАМ, ф. М-1, оп. 1, д. 74, л. 3–4].

В отличие от Внутренней Монголии, где знать зачастую вынужденно соглашалась с реформами, князья Внешней Монголии апеллировали к историческим основаниям своих прав. В одном из ответов подчёркивалось:

«Монголия присоединилась к династии Цин на особых условиях; их отмена без согласия сторон недопустима» [НЦАМ, ф. М-1, оп. 1, д. 90, л. 6].

Материалы Национального центрального архива Монголии, в том числе документы, отражающие деятельность маньчжурской администрации в Урге, свидетельствуют о попытках распространить на Внешнюю Монголию элементы административной унификации. В инструкциях и распоряжениях, направляемых амбанами, прослеживается стремление усилить контроль над финансовыми потоками, ограничить автономию хошунных управлений и пересмотреть роль буддийского духовенства в системе власти.

Особое значение в этом процессе имел религиозный фактор. Архивные источники указывают, что меры, затрагивавшие имущественные и правовые основы монастырей, воспринимались как прямое посягательство на традиционные устои монгольского общества. Ограничение экономических привилегий ламства и попытки подчинить религиозные институты светской администрации усиливали недовольство и способствовали формированию широкой оппозиции реформам.

Контроль над монастырским имуществом и ограничение численности духовенства стали центральным фактором политизации сопротивления. Архивные материалы фиксируют, что монастыри превращались в центры консолидации недовольства:

«Изъятие монастырских средств вызывает сильное возмущение лам и мирян, что может привести к беспорядкам» [НЦАМ, ф. М-1, оп. 1, д. 81, л. 11].

Российские архивные материалы позволяют рассмотреть ситуацию во Внешней Монголии в более широком международном контексте. В отчетах консульских учреждений и военных наблюдателей подчеркивается, что «Новая политика» рассматривалась местным населением

как угроза ликвидации особого статуса региона и его последующей инкорпорации в китайскую провинциальную систему. Это, в свою очередь, усиливало ориентацию монгольских элит на внешние факторы, прежде всего на Российскую империю, воспринимавшуюся как потенциальный противовес цинскому давлению.

В ряде документов АВПРИ отмечается, что административные реформы в Урге и прилегающих районах не только не укрепили позиции цинского правительства, но и ускорили процесс политической консолидации монгольского общества. Усиление контроля со стороны центра привело к росту политической активности и формированию новых форм сопротивления, которые в конечном итоге стали одним из факторов событий 1911 г. Российские архивные источники чётко фиксируют политический характер происходящих процессов. В донесении из Урги отмечалось:

«Реформы китайского правительства воспринимаются здесь как попытка уничтожить особый статус Монголии, что толкает местную знать к поиску внешней поддержки» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 761, д. 84, л. 27].

Таким образом, во Внешней Монголии «Новая политика» привела к качественному изменению характера сопротивления. Экономические и административные меры трансформировались в политический протест, направленный против самого принципа имперского управления. Именно здесь реформы стали прямым катализатором процессов, завершившихся событиями 29-го Декабря 1911 г., а именно отделения от империи Цин и провозглашения независимости Внешней Монголии.

Монгольское общество и реакция на реформы: трансформация форм сопротивления и политического сознания

Реализация «Новой политики» в Монголии привела к глубокой трансформации социальной структуры и политического сознания монгольского общества. В отличие от предыдущих периодов, когда сопротивление имперской

власти носило преимущественно локальный и спонтанный характер, реформы начала XX в. способствовали формированию новых, более организованных и осмысленных форм реакции на действия Цинского двора.

Архивные материалы свидетельствуют, что первые проявления недовольства были связаны с практическими последствиями административных и экономических преобразований. Рост налогового бремени во Внутренней Монголии, пересмотр земельных отношений и ограничение прав традиционных элит вызвали сопротивление со стороны различных социальных групп от монгольской знати до рядового населения. Документы местных управлений, хранящиеся в Национальном центральном архиве Монголии, фиксируют многочисленные жалобы, коллективные прошения и попытки апелляции к прежним договорным обязательствам между цинской династией и монгольскими князьями. Эти источники отражают переход от пассивного недовольства к формам институционального протеста, основанного на апелляции к правовым и историческим основаниям автономного статуса Монголии.

Особую роль в формировании сопротивления сыграло буддийское духовенство. «Новая политика» цинов, затронувшая имущественные и административные основы монастырей, воспринималась как прямая угроза не только религиозным институтам, но и культурной идентичности монгольского общества. Архивные документы свидетельствуют, что монастыри становились центрами консолидации недовольства, где обсуждались последствия реформ и формировались альтернативные представления о будущем политическом устройстве региона. Ограничение экономических привилегий ламства усиливало связь между религиозным фактором и политическим протестом, придавая сопротивлению идеологическую окраску.

Важным элементом реакции монгольского общества стало усиление политического сознания и переосмысление отношений с цинской властью. Если ранее маньчжурская династия воспринималась как легитимный верховный сюзерен, обеспечивающий относительную автономию, то в условиях реформ

эта модель утратила свою устойчивость. Архивные материалы конца XIX — начала XX вв. фиксируют рост дискурса, в котором действия центральной власти интерпретировались как нарушение традиционных соглашений и угроза существованию монгольского общества как самостоятельного политического и культурного субъекта.

Российские архивные источники позволяют проследить, как эти внутренние процессы воспринимались внешними наблюдателями. В донесениях российских консулов и военных представителей подчеркивается, что реформы поздней Цинской империи способствовали консолидации монгольских элит и формированию нового политического языка, в котором все чаще использовались понятия автономии, самоуправления и защиты традиционных прав. Российские наблюдатели отмечали, что именно политика «Нового управления» стала катализатором перехода от разрозненных форм сопротивления к более целенаправленным политическим действиям [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 761, д. 68, л. 19].

К началу XX в. эти процессы привели к качественному изменению характера сопротивления. Протесты и выступления, ранее носившие преимущественно экономический или локальный характер, постепенно трансформировались в политическое движение, ориентированное на пересмотр самого статуса Монголии в составе империи. Архивные источники фиксируют рост координации между различными социальными группами, включая светскую знать, духовенство и образованные слои общества, что свидетельствует о формировании предпосылок для более широкого национально-политического движения [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 761, д. 52, л. 14].

События 1911 г. стали кульминацией этих процессов, однако они не возникли внезапно. «Новая политика» создала условия, при которых разрушение прежних институтов управления и обострение социально-экономических противоречий привели к радикализации общественных настроений. В этом смысле реформы поздней Цинской империи выступили не как фактор модернизации, а как структур-

ный элемент кризиса имперского правления, ускоривший формирование альтернативных политических проектов на монгольских территориях.

Таким образом, реакция монгольского общества на «Новую политику» свидетельствует о глубинных изменениях в характере сопротивления и политического сознания [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 761, д. 84, л. 27]. От локальных форм недовольства монгольское общество перешло к осмысленному политическому протесту, который в конечном итоге стал одной из ключевых предпосылок событий 1911 г. и важным индикатором системного кризиса управления в поздней Цинской империи [НЦАМ, ф. М-1, оп. 1, д. 81, л. 11].

Заключение

Анализ политики Цинского двора «Новая политика» в Монголии позволяет сделать вывод о том, что реформы поздней Цинской империи носили глубоко противоречивый характер. Задуманные как средство укрепления государства и преодоления системного кризиса, они в действительности выявили пределы имперской реформируемости и ускорили процессы дезинтеграции на пограничных территориях.

Архивные источники свидетельствуют, что ключевые положения «Новой политики», включая так называемый «опрос по четырнадцати пунктам», были направлены на демонтаж прежней модели управления Монголией. Пересмотр земельных отношений, административная унификация, контроль над монастырским хозяйством и ограничение полномочий местной знати означали фактический отказ от особого статуса монгольских земель. Именно этот отказ стал главным источником сопротивления и политической мобилизации монгольского общества.

Сравнительный анализ реакции Внутренней и Внешней Монголии выявляет как общие, так и различающиеся черты сопротивления реформам. Во Внутренней Монголии «Новая политика» проявилась прежде всего в форме социально-экономического давления, связанного с аграрной колонизацией и административной интеграцией, что вызвало локальные и фрагментированные формы протеста. Во Внешней Монголии, где особый статус территории был четко осознан и институционально закреплён, реформы приобрели ярко выраженное политическое измерение, превратившись в фактор консолидации элит и формирования альтернативного политического проекта.

Таким образом, «Новая политика» в Монголии выступила не как этап успешной модернизации, а как катализатор кризиса имперского правления. Попытка насильственной унификации управления на территории с устойчивыми автономными институтами привела к разрушению прежнего баланса власти и ускорила формирование условий, завершившихся событиями 1911 г. Монголия в данном контексте предстает не периферийным эпизодом, а ключевым пространством, где наиболее отчетливо проявились структурные противоречия поздней Цинской империи.

Рассмотрение монгольского кейса в рамках концепции управления пограничными территориями (*borderland governance*) позволяет расширить понимание механизмов распада многоэтничных империй в эпоху модернизации. Опыт «Новой политики» в Монголии показывает, что реформы, игнорирующие исторически сложившиеся формы автономии и локальные социальные структуры, не только не укрепляют государство, но и создают предпосылки для его распада.

Источники

АВПРИ: Архив внешней политики Российской империи (Москва, РФ)

НЦАМ: Национальный центральный архив Монголии (Улан-Батор, Монголия)

ПИАК: Первый исторический архив Китая (Пекин, КНР)

РГИА: Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург, РФ)

Использованная литература

Atwood, 2004: *Atwood C. P.* Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New York: Facts on File, 2004.

Perdue, 1987: *Perdue P. C.* Military Mobilization in Qing China // *Journal of Asian Studies*, 1987.

Жамсран, 1992: *Жамсран Л.* Монголчуудын сэргэн мандалтын эхэн (Начало Монгольского Возрождения). Улан-Батор, 1992.

Урангуа, 2006: *Урангуа Ж.* Монголия в начале XX в. (1911–1919 гг.). Улан-Батор, 2006.

“NEW POLICY” OF THE QING EMPIRE AND MONGOLIA: THE CRISIS OF BORDER TERRITORY GOVERNANCE AT THE TURN OF THE 19th–20th CENTURIES

WUYUNDALAI

Inner Mongolia University for Nationalities

This article analyzes the Qing Empire’s “New policy” (Xinzheng) at the turn of the 19th and 20th centuries from the perspective of borderland governance. Using Mongolia as a case study, it demonstrates how reforms aimed at imperial modernization and administrative unification undermined traditional institutions, intensified resistance, and accelerated the disintegration of the late Qing state.

Key words: New policy, Qing Empire, Mongolia, borderlands, the Year of the Metal Pig (1911), imperial crisis.

About the author: **WUYUNDALAI**, Ph.D. (History), Higher School of Mongolian Studies, Inner Mongolia University for Nationalities (Tongliao, Inner Mongolian Autonomous Region, PRC) (wuyundalai1980@163.com).